УДК 94(47).084.6

Н. В. Лукина

Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ

Какое счастье жить, дышать, смотреть
На красоту людей, Земли, светил!
И мыслить, и любить, и петь
От полноты душевных сил!
Л. Ю. Зубова-Моор, 1967 г.

Любовь Юльевна Зубова (26.03.1881–07.04.1970) родилась на Вологодчине, после гимназии окончила Смольный институт, в 1926 г. — Российский институт истории искусств, стала чтицей-декламатором и лектором, писала стихи. От первого брака имела сына Александра Александровича Зеленецкого (09.11.1902–?). Второй раз вышла замуж за венгра, доктора медицины Вильяма Овида Моора, стала Зубова-Моор; в семье родился сын Георгий Вильямович Моор (10.11.1911 — не ранее 1976). Во время Первой мировой войны выступала с концертами по лазаретам. После революции жила с семьей в Ленинграде в большой квартире, так как с родными их было 8 человек.

В 1926 г. Любовь Юльевна Зубова-Моор стала членом Московского союза поэтов. В 1930 г. она поехала в столицу показать свои стихи, попала под облаву и первый раз оказалась в заключении. В Бутырской тюрьме, в общей камере с уголовницами, спали «ложками», так как 40 женщин лежали на одной большой из досок голой койке. Ночью с 13 на 14 апреля Любовь Юльевна сочинила стихотворение: «В камере», немного позднее — «Разговор в тюрьме».

В камере

Окна известью залиты,
Прокопченый потолок,
Скользки каменные плиты
И в дверях — тугой замок.
Нары горбятся коряво,
Воздух густ и нестерпим,
Полуголые «халявы»
Бранью хлещутся сквозь дым.
На веревках самодельных
Тряпок мокрых вороха.
И в тупой тоске безделья
В каждом слове смрад греха...
Карты, песни воровские,
Боль, пронзающая плоть...
Цепенею от тоски я,
Чем бы душу расколоть?
Так средь адова гноища
Подбасила, пой не пой!
Но Любовь, в отрепьях нищей, —
Поводырь, как у слепой.
Пусть кругом черней могилы,
Прокаженные сердца...
Чьи-то губы шепчут: «Милый»
С побледневшего лица.

Разговор в тюрьме

Не плачь, поешь! Хоть невкусна «баланда»,
И ты поешь со мной тюремные хлеба!
Мы все равны здесь — «вшивая команда».
Равно всех подвела «лягавая» судьба!
Сейчас сестра со мной ты по несчастью,
А завтра — «фрайтерша», свободная, а я
У холода и голода во власти,
Этапом выслана в далекие края!
Но мы равны с тобою по природе,
Тюрьма равно нам давит плечи и сердца.
Не отверни ж при встрече на свободе
Ты от воровки жалкой честного лица!
Ты улицы не знаешь и «шалмана»,
Там, на свободе, ждет тебя твоя семья,

Но жизнь твоя ведь всё ж не без обмана,
И в радостях твоих была слеза моя.
А здесь, в тюрьме, узнав свободы цену,
Небось, тебя сломила лютая тоска!
Не плачь, смотри: я вижу перемену —
Свободный путь тебе и «полная рука»!

Л. Ю. Зубову-Моор вскоре выпустили. Ее «мнимая смерть», когда муж уже жег неугасимую лампаду перед ее портретом, пошла ей на пользу. Все к ней стали очень ласковы. Моор называл ее «вновь найденная». Пасху в том году семье отпраздновать не удалось, так как «по карточкам не дают, а в вольной продаже бешеные цены. Намерение посылать брату Мише белые сухари неосуществимо, к сожалению, потому что белого хлеба дают нам на 7 человек одну французскую булку в день. Сами сушим черный хлеб и едим его в сухарях», — писала она.

По настоянию сына Георгия (Жоржа) Любовь Юльевна заполнила анкету для прохождения квалификации декламатора, и была поставлена в Посредрабисе на учет. Сын очень помог маме, сделав пять вещей под музыку, которую сочинил, и аккомпанируя ей на квалификации. Одно из произведений — «Наш марш» Владимира Маяковского. Была Любовь Юльевна и в Радиоцентре, где ей предложили прийти на просмотр в одну из суббот с новым репертуаром. Она решила идти с Жоржем, который хотел с ней работать.

В июне 1930 г. в семье произошло несчастье — арестовали старшего сына Сашу Зеленецкого по делу, о котором он ничего не знал. Бывшее начальство Этнографического музея Академии наук, где он работал несколько лет тому назад, было арестовано. В Доме предварительного заключения у Любови Юльевны было с ним свидание, она сразу же подала заявление со справкой из диспансера о том, что у Саши туберкулез легких и желез. «Благодаря этому ему разрешили передачи, дают прогулку и держат в камере на двоих. Муж-доктор тоже подал заявление, в котором просил дать Сашу на поруки двум коммунистам... Следователь звонил ему по телефону, что на поруки взять нельзя, что они содержат его в приличных условиях и сказал, что даст доктору с Сашей свидание. Доктор писал, чтобы Сашу допросили скорее и окончательно, что он не умеет говорить неправду. ...вся его вина в том, что он не марксист и, вероятно, при допросе откровенно сказал свое мировоззрение», — писала Зубова-Моор в письме сестре Нине Юльевне в Москву 23 июля 1930 г. Скорее всего, Александра Зеленецкого арестовали как ученика репрессированного ранее известного историка Е. В. Тарле.

В 1930 г. лето было жаркое. «На острове Декабристов вокруг залива устроили пляж, в целую версту длиной, с чистым желтым песком. Народ купался и загорал, как в Крыму. Выше пляжа — аллея со скамейками. Прямо Европа!», — писала Любовь Юльевна. — «Вообще Ленинград с каждым годом хорошеет. Наш Васильевский остров тоже не узнать. По всем линиям панели из асфальта

шириной как на Невском проспекте и насаждения, а Большой проспект — сплошной сад: газоны, деревья, скамейки, площадки для игр детей, цветы. Все сады тоже один другого лучше».

Вот в этом-то прекрасном городе имени Ленина Любовь Юльевна была вновь арестована и после обыска в квартире посажена в Кресты (известную ленинградскую тюрьму). Большая тетрадь ее стихов, исписанных «подозрительным почерком», была конфискована.

Из писем узнаём, что «Жоржу разрешили свидание с матерью, а когда он пришел, то его не допустили. На следующий день он получил телеграмму, чтобы пришел утром и принес вещи. Очевидно, Любовь Юльевну высылали... При свидании Жорж увидел мать седую, плачущую, нервную и больную: ноги распухли, ее лихорадит и идет процесс туберкулезный. Выяснилось, что мать отправляют на три года в концентрационный лагерь. Ее обвиняют в том, что она была руководительницей антисоветского салона (это что гости у них бывали). Те, кто у нее бывал, старались выгородить себя, кроме одного. Однако им дали по 10 лет. Энергии у нее уже не было; словом, это была тень, производящая неприятное впечатление». По сведениям родных, после ареста жены доктор В. Моор бросился «ее выручать», был тоже арестован и 26 марта 1932 г. скончался. Хоронили его родственники жены. О смерти мужа Любовь Юльевна узнала от женщины, которая была на его похоронах и которую посадили в общую с ней камеру.

Перед высылкой матери Жорж продал кое-что из мебели, хотел собрать что-то из одежды, но... — «одно рванье» вместо белья, нечего надеть на ноги, нет верхней одежды, платья... Из лагеря от Л. Ю. Зубовой-Моор была получена открытка. Пишет, «что кругом лес, деревянные бараки, сперва будет баня, потом карантин, потом распределение на работы. Надо мыла, прежде всего...» А адрес такой: Станция Потьма Московско-Казанской ж/д, Темлаг (Темниковский лагерь) ОГПУ, 13-й лагерный пункт. Это в Поволжье, в Мордовской АССР, менее чем в 200 км к западу от города Саранска. Поразительно, но соседняя с Потьмой станция до сих пор носит название «Зубова Поляна». Мистика какая-то!

Через некоторое время Жорж получил от мамы письмо на 6 страницах. Он сообщил: «Ей можно получать письма в любом количестве, а самой писать только два раза в месяц. Лагерь в лесу. Одна ночь от Москвы. Есть ларьки, где всё, в общем, для них есть и дешево. Если заслужит, то дадут разрешение приехать туда к ней и провести от недели до 20 дней. Она работает в драмат[ическом] кружке. Ну, конечно, все ожили, когда оказались в лесу при хорошей погоде и на чистом воздухе. Какая еще у нее работа — не знаю». Жорж предполагал послать в Москву знакомого человека, чтобы хлопотать об освобождении матери.

В апреле 1933 г. был арестован и выслан в Казахстан на 5 лет брат Любови, Михаил Юльевич Зубов.

Ситуация с арестами Александра Зеленецкого, Любови Юльевны Зубовой, доктора Вильяма Моора и брата Михаила Юльевича аналогична той, о которой

Любовь Юльевна писала матери еще в 1921 г.: «У нас тут по соседству происходили свои драмы. Арестовали 10 сентября одну даму в нашем доме, очень симпатичную. Увезли, запечатали ее квартиру, а дочь ее, 12-летнюю девочку, следователь поручил нам. Мать исчезла бесследно, видимо, расстреляна. Дочка жила у нас два месяца и уехала к тете в Архангельск. Без нее уже раскрыли квартиру (приехал какой-то комиссар из ЧК), вывезли всё, кроме мебели, и поселились сотрудники из ЧК, так что теперь не осталось и воспоминания о жившей там семье... И такие современные драмы в столице бывают часто... и, думаю я, немало страдает невинных». А в семье Любови Юльевны бывал в гостях Андрей Голов из ГПУ, который мог быть инициатором этих арестов и позже высылки всей семьи в корыстных интересах.

В начале 1933 г. уже из лагеря (из с. Кривякино) Любовь Юльевна писала сестре Нине: «Дорогая моя Ниночка, спасибо тебе, что откликнулась на мою просьбу и послала мне белых сухарей, сахару и конфет. Доставила мне этим большое удовольствие...», а в июле того же года (уже из Потьмы) писала так: «Я из Воскресенска приехала в Назаровку, в Первомайское отделение нашего Темлага, где и пробыла ровно месяц. Там я работала в околотке медицинской сестрой. Принимала больных амбулаторных вместе с “лекпомом”, а часто и без него, ежедневно ходила на лесоповал к лесорубам с обходом за 5 км от лагеря. Лес лиственный — дуб, липа, береза. В июне еще пели все птицы, масса соловьев, которые заливались все вечера и ночи под самыми окнами лазарета. Лежащих больных было мало. Одновременно 5 человек, больше с ранениями, порубами... что главное лечение — перевязки. На прием же приходило иногда до 70 человек. Я писала по-латыни, разбиралась в лекарствах и справлялась с делом, т[ак] к[ак] амбулаторное лечение стандартное — всевозможные готовые капли, микстуры, порошки и мази. Самые распространенные болезни сердечные, фурункулез, желудок и тому подобное. В начале июля меня откомандировали сюда сопровождать и отвезти этап больных и слабосильных в Сангородок и в Центральный Темниковский лазарет Барашево. Я сдала 3 вагона людей, два дня отдохнула сама. Меня хотели оставить в Барашево медсестрой, но я не согласилась, т[ак] к[ак] там огромные бараки, помногу больных, и дежурство суточное (сутки дежурить, сутки отдых). Я сбежала с коммутатора из-за бессонных ночей, которые меня измучили, так что не чувствую достаточно физич[еских] сил, хотя работа медсестры мне симпатична, и я охотно работала в Первомайске. Хоть и уставала очень, но много была зато на свежем воздухе. В лес ходила с большой палкой, чтобы перебираться в болотистых местах по сваленным деревьям, перескакивать через лужи. Раз меня застала гроза и ливнем меня промочило до нитки, а потом опять засияло солнце». Жизнь в лесу, по-видимому, способствовала выздоровлению Любови Юльевны от туберкулеза.

Любовь Юльевна позже вспоминала: «...в сталинское время меня отправили в концентр[ационный] лагерь на Потьму на 3 года, но я пробыла там 2 года. Я так честно трудилась и так безупречно себя вела, что лагерное начальство

Рис. 1. Любовь Юльевна Зубова-Моор в костюме для «Русской пляски» в ежедневных выступлениях в госпиталях в январе–феврале 1915 г.

удивлялось — зачем меня лишили свободы и в чём можно меня исправить? Начальник лагеря снимал фуражку, встречая меня, и мне было разрешено гулять вне лагеря на природе. Я была так занята: 8 часов канцелярской службы, затем репетиции спектаклей, в которых я играла главные женские роли. Режиссером был артист МХАТ'а, тоже, видимо, по недоразумению высланный в Темниковский лагерь. Затем моей обязанностью было писать стихотворение к очередному номеру выходящей в лагере газеты. Бывали съезды всех лагпунктов, и меня всегда усаживали около Президиума, потому что я от имени заключенных должна была приветствовать съезд. Спать было почти некогда. Дело в том, что ложилась я очень поздно, а вставать в половине 7-го. К тому же спальные бараки были построены так: две доски и между ними засыпаны опилки, в которых было множество клопов. У каждой спальной койки стояла мисочка с водой, в которой мы топили нападающих на нас насекомых. Здоровье мое поддерживали ежедневные водные души (в лагере была водолечебница), когда в одной только резиновой шапочке становишься в стеклянный шкаф, и со всех сторон тебя поливает теплая вода».

Подробности лагерной жизни Л. Ю. Зубова-Моор описала в весьма оптимистичной и полной юмора поэме «Темлаг» (Темниковский лагерь). Через два года пребывания в лагере ей дали такую характеристику, что она смогла вернуться к сыну в Ленинград.

Однако через год всю семью выслали на пять лет в Оренбург. «Из нашего дома, — писала Любовь Юльевна сестре в Москву, — выслали шесть семейств, а когда мы через два дня сели в вагон, то весь поезд оказался переполненный коренными ленинградцами, отправленными на 5 лет в Оренбург, без предъявления какого-либо обвинения». Сын Саша (Александр Александрович Зеленецкий) был выслан на Урал в город Шадринск, где женился на Марочке, и потом уже вместе они перебрались в Оренбург.

Приводим стихотворения Л. Ю. Зубовой-Моор, присланные сестре Нине Юльевне в Москву из заключения с текстом письма от 2 ноября 1933 г.

«Милая Нина, только что отослала тебе открытку. Пользуюсь случаем и пишу тебе несколько моих стихов. Вот написанные в Воскресенске, что в Кривякине, где пробыла с февраля до июня м[еся]ца.

Иду по парку

В цвету черемуха, и соловей защелкал...
Сосны столетней золотится ствол...
В платочках красных комсомолки
Под липами играют в волейбол.

Зелено-желтый дуб... Он в солнечных сережках,
Весеннею листвой весь юностью цветет,
А детвора топочет по дорожкам
И хором голосов свой детский гимн поет.

Здесь хвоя лиственниц с приветливой березкой
Смешала с хризолитом сочный изумруд...
Ворона каркнула вороньей глоткой жесткой,
И тиной бархатной затянут зимний пруд.

Кусты сирени все в лиловых, белых почках,
Покрылась вишня снежно-белою фатой...
По влажным колеям степенно едет с бочкой
Лошадка смирная за ключевой водой.

Четыреста стволов березовой аллеи —
Зелено-солнечный и радостный тоннель,
Кукушка серая, сама себя жалея,
Кукует, что весна — любовный только хмель.

У ног моих в траве, на солнечной опушке
Фиалки лиловеют нежною семьей,
А в озерке звенят назойливо лягушки...
Коровы дойные идут на водопой...

Москва-река, как уж серо-зеленый,
Меж плоских берегов лениво вьется вдаль...
Мне грустно... взор блестит слезою умиленной...
Мой город над Невой! То о тебе печаль!

1–4.06.1933 г. Кривякино. В этом стихотворении отражен Кривяк[инский] парк и его жизнь. Оно очень понравилось нашему начальнику Воскрес[енского] стройотряда, и я ему переписала его. В след[ующем] стихотв[орении] наша идеология лагерников. Она печатается в нашей общелагерной газете, кот[орая] посылается в ГУЛаг в Москву. Назыв[ается] оно:

Песня леса

В Мордовии, в лесах ее зеленых,
Вдоль ветки Потьменской раскинут лагерь наш,
И всем, до лагеря в труде незакаленным,
Дают отбыть здесь трудовой свой стаж.
Смирился гордый, укрощен строптивый,
Квалифицирует, воспитывает труд,
Прилежен стал, кто прежде был ленивый,
Ударник честный — прежний вор и плут.
Леса, леса! В вас вторглась наша сила!
Бригада в лес... Топор стучит, звенит пила,
Москве березу Потьма отгрузила,
Для химзаводов льется кровь-смола.
В лесу живем, лесное наше дело,
Оно тепло, огонь и жизнь с собой несет...
Пусть песни леса голос мой несмелый
В свободной жизни вольно пропоет!

19.09.1933 г. Утемитлаг. А вот стихотворение, пос[вященное] докторчику (мужу, В. Моору. — *Н.Л.*) и написанное в день годовщины его смерти в Кривякине 26.03.1933 года:

Памяти доктора медицины Вильяма Овида Моора

Дома... Золото света и вечер...
За роялем — склоненные плечи...
Песни Шумана: «Du, Meine Seele»...
Было... Прошло навсегда... Неужели!?
«Рыжая Ганна» и «Бедный Пэтэр»,
За окном рыдающий ветер...
Город родной... Любимые лица...
Время разлуки так длится, длится...
Где они: «Rose? Meer und Sonne?»
Песни и голос тот умиленный:
Одна мне осталась: «Waldeinsamkeit»,
Да свист и рыдание осенних флейт.

По-немецки названия песен Шумана, кот[орые] докторчик часто пел, «Waldeinsamkeit» — моя любимая. По-русски — «Лесное одиночество». Когда д[окто]р пел его, у меня всегда были на глазах слезы, точно я свое лесное одиночество предчувствовала.

М. Ю. Зубова-Моор».

Далее прилагается текст поэмы Любови Юльевны Зубовой-Моор 1932–1934 гг.

Темлаг (Темниковский лагерь)

Поэма о труде

Темлаг, Темлаг! Из многих чувств, рассеянных и шатких,
Ты углубил одно: любовь к моей стране;
Оно, как золото, таилось в целине,
Ему — остаток дней моих, сосчитанных и кратких.

Карта Мордовии

Вот правобережье приволжских высот.
Смотри же, на западном склоне, —
Здесь лес корабельный сосновый растет,
Судов караван по Суре там плывет:
Ты здесь в Средне-Волжском районе.
Дубовые чащи, сплошные леса,
А дальше простор и долина...
Черноземно-равнинной идет полоса,
Где трактор стрекочет — колхозов краса,
Среднерусской природы картина.
Мордвин и мордовка. Он — дуб молодой,
Колхозник, ударник примерный.
Она загорелой и ловкой рукой,
Снопы подбирая ржаной полосой,
Идет деловито и мерно.
Мордва чернобисерной землю зовет,
Березкою — девушку — белой,
И голос ее, как бубенчик, поет,
Когда комсомольскую песню поет,
Хмель, легкий и сильный за делом.
А в царское время был голос такой:
Печальный, глубоко-фальшивый.
Никто не считался с нацменской мордвой,
Но быстро советский всех выровнял строй
К свободе и жизни счастливой.
К лесному массиву ты подошел,
Что помнит еще Кудеяра,
Здесь леса хозяин медведь ведь большой,
В берлоге живет возле яра.
Наш лагерь пришел и врубился в лес,
Стучат топоры и лязгают пилы,
Пошла разработка девственных мест.
В труде и борьбе — наша сила.

Москве краснокаменной шлём дрова,
Донбассу из ели — рудстойки,
Заводам — с подсочки янтарь-смола,
Баланы нужны для постройки.
А наш ученик в мастерских — молодежь —
Шлет спортинвентарь для «Динамо».
У лесоармейцев забота: «Даешь!»
Борись за ударное знамя!
И боремся с лесом, с собой, и даем.
Страна нас исправить хотела.
Мы новых советских людей куем
И песни труда во весь голос поем,
Пусть знает страна наше дело!

Потьменская ветка

Потьма Первая и Потьма Вторая...
Потьма Казанка и Потьма-Ветка.
Первая — артерия края,
Вторая — наших нервов сетка.
Рельсы песню одну поют:
«Перековка через труд,
Перековка через труд!»
В стуке вагонов слышу слова:
«Москве — дрова! Москве — дрова!»
Паровоз в депо пыхтит и орет:
«Среднеобточный ремонт,
Среднеобточный ремонт!»
Диспетчерский аппарат достижениям рад:
Сто процентов — норма, полтораста — тоже...
Пропустить рекордно двести пятьдесят —
Можем!

День лесоруба

День, как часов проверенный ход.
Светает. Шестая ударила склянка.
Подъем, умыванье, завтрак, развод,
И на работу в лес — на делянку.
Быстро разбились бригады в лесу,
Все лесорубы — коллективисты.
Весело звякнул топор на весу,
Эхо ответило в воздухе чистом.

Сделан подруб с одной стороны,
И зазвенела пила, и запела.
Звуков и пения делянки полны.
Эй, берегись, чтоб тебя не задело!
Падает дерево — сучья рубить.
Весело, звонко у нас на поляне.
После порубки надо пилить
То на дрова, то на баланы.
Больше и больше кубиков ряд,
Ходит приемщик, считает и метит,
Хвалит десятник своих ребят.
Солнце высокое ярко светит.
Дальше бригада баланы корит,
Полдень. Из лагеря полдник приносят.
Надо поесть, отдохнуть, покурить,
Выпить воды, что несут водоносы.
Там, на лежневке, подвозят дрова
К ветке, по чистой прямой лесосеке.
Полный маршрут принимает Москва!
Грузит сегодня бригада узбеков.
День, как часов проверенный ход,
Время обедать — ударила склянка.
Эй, запевалы, шагайте вперед!
И опустела до завтра делянка.
После обеда — в барак отдыхать,
Радио, шашки... почиститься надо,
Также газету успеть почитать,
Вечером в клубе — агитбригада.

Лесоруб

Родом он из дальней Вятки,
Загорелый лесоруб,
Деловитая повадка,
На слова пустые скуп.
На разводе — первый точно,
Великан без грубых слов.
И топор в руке отточен,
Жалоб нет. Всегда готов!
Обувь, шапка и одежа —
Все в порядке, выбрит, мыт,
И в артели он надежен,
Ладно сложен, крепко сшит.

У него топор играет
И пила в руках поет,
И десятник сосчитает:
Двести каждый день дает.
Лес зеленый, лес суровый!
Принимай! Идем на бой!
Труд осмысленный, здоровый.
Песни леса звонче пой!

Ударница

Душистые сосны пилила,
И звонко звенела пила,
И пела в груди моей сила,
А в жилах — густая смола!
Рубила, и щепки летели...
Крушительна власть топора!
Кивали мне сосны и ели:
Да, новая жизнь — не игра!
Мне кубики дров белоснежных,
Как дни трудовые, считать...
Таких непохожих, не прежних,
Простых и прекрасных опять.
А в полдень в тени золотистой,
Под стройной могучей сосной,
На ложе, и росном, и мшистом,
Мне сладостен отдых лесной!

Подсочка

В лесу строевом и сосновом
По хвое, по мхам и по кочкам,
С ведром, в накомарнике новом,
Работать иду на подсочку.
Отмечены сосны стрелою,
В стаканчик стекает смола.
Уверенно, левой рукою,
Ножом я ее собрала.
От дерева к дереву быстро,
Всё дальше и дальше. В лесу
Прохлада и воздух душистый.
Ведро уже полным несу.
Теперь торопиться не надо, —
Я с нормой обратно иду.

Всей грудью вдыхаю прохладу,
В землянке свой полдник найду.
Как крепок мой сон полудневный!
Как вкусен мой полдник тогда!
Вживаюсь я здесь ежедневно
В великую радость труда!

Счетовод

Природа чисел непреложна,
Послушен ей и звездный ход.
Вся жизнь есть вечный чисел счет,
Ошибка в числах невозможна.
И потому считай без скуки,
Им добровольно покорись.
Подвластна числам Смерть и жизнь,
Природа, люди и наука!

Женщинам Темлага

Веками женщины судьба
Плелась, как вол в ярме, понуро,
Неравной слабая борьба
Порою вспыхивала хмуро.
И долю горькую ее
Поэты мира воспевали,
Но мы иную жизнь куем
И женщине свободу дали.
Наш Ленин в мир пришел, и вот —
Всё изменилось в мире этом,
И к женщине — иной подход,
Иные песни дал поэтам!
Вопрос нас женский не страшит,
Что был до Ленина проклятым,
Свободный труд, свободный быт,
Пути к культуре необъятны!

Коллективу «Пламя»

Я люблю моих лесорубов,
Хлеборобов и всю молодежь,
Что едва лишь от жизни пригубив,
Отдала эту жизнь ни за грош,

Пошатнула ее, промотала
И, придя в лагеря за судьбой,
Начала свою жизнь всю сначала,
Исцеляя трудом и борьбой.
Пусть же будет им труд этот в доблесть,
И борьба за свободу легка.
В новый путь, исступленная совесть,
И счастливая в жизни рука!

Малолетка

Тридцатипятник-малолетка
На мастерских живет у нас,
Он беспризорник был нередко
И юный лагерник сейчас.
Теперь он в коллективе «Смена»
В своем цеху учеником,
На профтехкурсах ежедневно
Квалификацию даем.
В руках имея специальность,
От нас он выйдет уж иным
И перекованным морально —
Путевку в жизнь ему дадим.

Красные ударники

Прорыв! Прорыва быть не может!
На производстве нет потерь.
Мы Темитлагу все поможем,
Мы все ударники теперь!
Все в лес! Все лесорубы будем:
Статистик, слесарь, инженер...
Ведь никакой нам труд не труден,
Друг другу мы даем пример.
Наш воспитатель, машинистка,
Связист, бухгалтер, счетовод,
Электрик и телефонистка —
Все красный трудовой народ.
Топор в руке, пила на плечи...
Бригада вся как на подбор!
Прошли уж сосен тонких свечи,
Вступили в лес... Какой простор!
Дышать всей грудью крепким соком
Земли и моха, и коры!

И в лагерь слышно — издалёка
Стучат усердно топоры.
А лес осенний глаз ласкает,
Березы в золоте волос,
И клен осенний в них вплетает
Свой пурпур ярко-красных роз.
Закат расцвечивает краски,
Белеют кубиков ряды...
Устали мускулы и связки,
И жажда требует воды.
В обратный путь — пилу на плечи,
Топор в руке... До завтра, лес!
Уж потемнели сосен свечи
В лиловых сумерках небес.
А после ужина — за дело,
В делах не может быть потерь!
Сказать имеем право смело:
Мы все ударники теперь!

Осень на Потьме

Золотая осень! Золотая осень!
Ржавые полянки, сизые кусты.
Розовеют в солнце свечи тонких сосен,
Порыжели клены, шуркают листы...
Грустно и красиво! Осень с сердцем сестры,
Золотятся капли на листах берез...
А тоска по милым ранит болью острой,
И в глазах печальных искры терпких слез...
Заструился ветер, пролетел и скрылся,
Прозвучал, как тонкий мимолетный свист...
Дождевой завесой воздух омрачился,
С ветки оторвался мокрый желтый лист.
Золото заката к каждой мелкой луже...
Говорит: «Прощайте!» — солнце нам без слов.
Ранним утром иней сеткой тонких кружев
По земле раскинул снеговой покров.

Массовая работа

В жизни заключенных, трудовой и строгой,
Культпросветработа — наш важнейший фронт!
Творчеству для массы уделяют много,
Знаниям, таланту ширят горизонт.

В клубе кинофильмы, драмкружок, концерты,
Радио в бараках, красный уголок
И агитбригады, постановки в центре,
Также музыкальный, хоровой кружок.
Лагерь ценит праздник, лагерь краски любит,
Отмечает слетов красные огни.
Постановки наши оформляют в клубе.
Пролетарских праздников — красочные дни!
Выставки, скульптура, лозунги, плакаты
Украшая праздник, украшают быт.
С массовой работой полного охвата
Лагеря художник беспрерывно слит.
И его работа, протекая в будни,
Пламенеет в праздник знаменем труда,
Творческие силы массовые будут,
И влетает бодрость в ковкие года.

Слушая радио

Я слушала Красную площадь,
Вождей и Москвы голоса,
Оркестра военного мощи,
Видела войск леса.
Трудящихся масс молодежи
Сердца ликованьем полны.
Страна меня любит тоже,
Скромную дочь страны.
Любит и не обманет,
Вновь я вернусь домой,
Только дом мой обширней станет:
Весь Союз — дом мой родной!

Начальнику снабжения тов. Маслову

Обращаюсь к Вам вторично
И прошу меня простить,
Но поэту неприлично,
В локтях продранных ходить.
Гимнастерка в нашем быте
Самый скромный, лучший тон.
Отчего же не хотите
Для меня такой фасон?
Уверяю: Вы не правы,
Разграничивая нас!

Мы с мужчиной равноправны,
Так сказал рабочий класс!
Возраст мой уже солидный,
Я товарищ и поэт,
Оттого мне и обидным
Показалось Ваше: «Нет!»
За стихи прошу прощенья,
Я хочу Вас убедить,
Что прилично, без сомненья,
В гимнастерке мне ходить!

Художникам, работавшим над выставкой «Темлаг для XVII Партсъезда»

По приказанию ГУЛАГа,
На берегу реки Явас
Создать поэму о Темлаге
Бригада наша собралась.
Хоть за окном зима и стужа,
Но в студии — весенний пыл,
Ударный темп работы дружной,
И каждый время позабыл.
Руководит художник Эссен,
Он старший наш и бригадир,
Его талант и вкус известен,
Он замыслом нас вдохновил.
Михайлов и Преображенский
Шедевры в дереве творят;
С изяществом, почти что женским,
Их экспонатов блещет ряд.
Шныров Василий, с флегмой русской,
За экспонатом экспонат
О вывозках и о погрузках,
И кубометров — славный ряд.
Быстров, Бодренок, Воропаев
Над диаграммами сидят,
От цифр и надписей страдает
Наш молодой триумвират.
А я по студии слоняюсь,
Мечтаю, думаю, слежу...
По-детски всеми восхищаюсь
И всё пишу, пишу, пишу...

Но вот и выставка готова,
И в клубе доступ к ней открыт.
Она в оправе блещет новой,
И стенд красив, как монолит!
Но через день уже укладка:
Поэму, выставку — в Москву!
Окончен праздник яркий, краткий,
Иду в финчасть — качать тоску!

Концерт в клубе

Обласкана волною звуков нежных,
Мечталось мне и грустно, и светло:
Мне вспомнились часы восторгов прежних,
Что снегом жизни занесло.
Я в филармонии, в толпе парадной,
Я рядом с другом, я с тобой
Внимаю сердцем, ухом жадным
Оркестра волны — бьются, как прибой.
Они под куполом сверкают хрусталями,
Рассыпались на тысячи цветов,
Огнем и холодом струятся между нами
И говорят, и говорят без слов...
Зажегся на эстраде черный факел
И разгорается всё ярче, всё ярчей:
Скрипач прославленный, в изящном черном фраке,
Из-под смычка роняет сноп лучей!
Певица голосом, и солнечным, и звездным,
О жизни, радости, о счастье мне поет,
Как будто на снегу, сверкающем, морозном,
Благоухают розы, тает лед.
Пианист, бессмертием Шопена,
К бессмертию и славе держит путь...
И звуки падают из клавиш белой пены,
И в жилах кровь звенит, любовью дышит грудь!
Мне вспомнилось всё это в нашем клубе...
(О прожитом прекрасном — не жалей!)
Когда в улыбке сложенные губы
Мне говорили: «Жизнь, и в жизни любят!»,
Когда певица пела Батерфлей.

Темлагу

Здесь в лагере, казалось мне, достигла
Я мудрости, предельной для меня,
И, смело рифмами звеня,
Я выпевала боли острой иглы.
Но заключенья дни и срок опальный
Прошли недаром, и в моих стихах,
Хоть и медлительней их крыльев взмах,
Всё реже слышится напев печальный.
Благодарю судьбу я за уроки,
Что выковали, углубили мысль,
За всё, за всё, что мне послала жизнь,
Что осознала я в дни лагерного срока.

Зачет рабочих дней

Зачет рабочих дней — есть в нашей жизни льгота,
Есть зеркало, в котором отразилось всё,
Вся наша лагерная жизнь и вся работа,
Как мы вели себя и как вели ее.
Зачет рабочих дней нам сокращает сроки,
В труде и быте учит бдительности нас.
На заседаниях дает примерные уроки
И приближает к нам свободы день и час.

Домой

По ветке Потьменской в обратный путь,
В обратный путь, свободный на свободу.
Прощай, Темлаг! Поэта не забудь!
Пишу тебе лирическую оду.
Я памятью вернусь к тебе не раз,
Я приняла свободу, но не знаю:
Как буду принята у ней сейчас?
От робости пред ней я замираю.
Признания и подвига ищу,
Сказать хочу в поэзии так много...
Для духа, сильного еще,
Зачем же этот трепет на пороге?
Прощальный голос слышу твой в ответ:
«Чувствительность и робость бросить надо.
По-большевистски шаг выравнивай, поэт,
В признании найдешь свою отраду».

Рис. 2. Любовь Юльевна Зубова-Моор в пьесе «Мятеж» в спектакле Темниковского лагеря ГУЛАГа в 1934 г.

Только в марте 1959 г. Любови Юльевне Зубовой-Моор и Александру Александровичу Зеленецкому с его женой Марочкой разрешили вернуться из ссылки в родной Ленинград. Сняли комнату на первом этаже дома на 11-й линии Васильевского острова. Младший сын, Георгий Вильямович, после демобилизации с фронта уже жил в Ленинграде в комнате жены Любови Карловны Шмидт. Несмотря на преклонный возраст, Л. Ю. Зубова-Моор продолжала читать лекции, за что в 75 лет получила почетную грамоту и ответила на это такой стихотворной строчкой: «Я счастлива в труде, так значит, молода!» Чтение лекций она продолжала до 80 лет. Ее «хорошо слушали и любили самые разные аудитории: и интеллигенция, и рабочие». Александр Александрович Зеленецкий работал научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте, делая переводы научных работ с трех языков: английского, французского и немецкого. После 80-летнего юбилея семье Л. Ю. Зубовой-Моор дали однокомнатную квартиру. Любовь Юльевна начала писать «Воспоминания», сидя за своим (!) письменным столом. Последние написанные ей строки такие: «Я горжусь своей Родиной и горжусь, что мне посчастливилось родиться в России!»